

Новомодная фикция: о гражданской правосубъектности искусственного интеллекта

Мельник Александр Сергеевич

Студент (специалист)

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: m310as@yandex.ru

Право не стоит на месте, оно развивается эквивалентно регулируемым им общественным отношениям. В тоже время прежде, чем какие-либо изменения таких отношений становятся предметом отражения того или иного нормативно-правового акта, они попадают на промежуточный этап – обсуждение. Современная отечественная частноправовая дискуссия полна разнообразных предложений о внесении изменений в действующее законодательство, однако не всегда такие позиции коррелируются с положениями частноправовой доктрины, в действительности представляя собой лишь околонаучное знание, навеянное произведениями литературы и кинематографа.

В этом контексте актуально звучат вопросы, связанные с тенденцией повсеместной цифровизации различных областей человеческой жизни, в частности с внедрением в них технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). На сегодняшний день ИИ является одним из центральных объектов внимания как художественных, так и научных изысканий, что обуславливает некоторое искажение позиций молодых юристов касательно существа данного явления. Именно так, по мнению автора, можно объяснить наметившуюся в последние несколько лет тенденцию распространения предложений о выделении нового субъекта гражданского права – электронного лица, то есть ИИ. Однако правовое регулирование не может строиться на догадке или вымысле, норма должна адекватно отражать существующие отношения для придания им социально-положительного эффекта, а не наоборот.

В силу представленного противоречия следует детально проанализировать отдельные аспекты «правосубъектности», а также сущностные черты ИИ, которые послужат наметками для определения его места в области частноправового регулирования цифровых технологий. Поставленные задачи опосредуют необходимость рассмотрения вопроса в двух направлениях: посвященном целесообразности такого решения и возможности его реального функционирования. В обоснование сказанного следует привести цитату Р.О. Халфиной: «В понятии субъекта права, в его традиционном понимании сливаются две основные характеристики: возможность участвовать в различных правоотношениях и реальное участие в них. ... Поэтому в данном случае нас должны интересовать не все потенциальные возможности лиц, участвующих в правоотношении, а те их особые свойства и качества, которые предопределяют возможность участия в правоотношении» [3].

С точки зрения целесообразности первостепенным является вопрос о том, зачем вообще выделять тот или иной субъект, будь то физическое, юридическое лицо или публично-правовое образование. Каждый из названных участников гражданских правоотношений выступает самостоятельным инициатором активности, нацеленной на совершение некоторых операций с его обособленным имуществом. Именно имущественные отношения составляют преобладающую часть предмета частноправового регулирования, в связи с чем назначение каждого из существующих субъектов неразрывно связано с категорией имущества и возникающими в отношении него правами и обязанностями. В то же время первоисточником последних является ни что иное как воля, которая в правовом аспекте представляет собой «относительно самостоятельный механизм регуляции поведения дееспособного субъекта, последовательно осуществляемого в правовых пределах и ориентированного на

достижения конкретного результата путем удовлетворения его потребностей» [2]. Главным критерием разграничения искусственного и человеческого интеллекта в таком контексте является неспособность первого создавать для себя какие-либо независимые цели, обусловленная отсутствием потребностей. Любые побуждения к той или иной деятельности зависимы или прямо опосредованы волей человека. ИИ представляет собой совокупность компьютерных алгоритмов, обеспечивающих самостоятельную постановку лишь промежуточных целей во исполнение главной – заданной человеком.

Учитывая сказанное следует констатировать, что у так называемого ИИ больше схожего с программами для электронно-вычислительных машин, которые в соответствии с подпунктом 2 п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации могут выступать объектом гражданских прав, но никак не субъектом [4]. Стоит отметить, что автор настоящей статьи не исключает, возможность изменения позиции под влиянием развития цифровой сферы и качественной эволюции существа технологий, именуемых ИИ, в будущем. Однако на сегодняшний день по совокупности сложившейся практики их применения, такой вывод представляется наиболее верным. В обоснование данной позиции стоит также привести цитату председателя ПАО «Сбербанк» Г.О. Грефа: «Много критики среди специалистов в отношении самого определения «искусственный интеллект». Оно не имеет ничего общего с определением «интеллект». Пока это все-таки алгоритм. На сегодняшний день это комбинация огромного количества методов и алгоритмов, позволяющих обучать машину определенным навыкам» [6].

Обращаясь к вопросу о возможности реального функционирования юридической конструкции электронного лица (ИИ), стоит прежде всего обратить внимание на саму структуру правосубъектности, которая, как известно, включает в себя такие элементы как правоспособность и дееспособность. Из сказанного выше следует, что наделение ИИ правоспособностью нецелесообразно, но возможно, так как с точки зрения российского (позитивистского) подхода к пониманию права ее наличие, обусловлено лишь соответствующим положением законодательства либо его отсутствием. В то же время в случае наделения ИИ возможностью иметь права и обязанности не совсем понятно, как он будет их реализовывать.

Под дееспособностью в гражданском праве понимается способность лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Указанная категория представляет собой единство деликтоспособности и сделкоспособности. Применительно к вопросу о наделении правосубъектностью ИИ они вызывают наиболее существенные противоречия.

Так, во-первых, остается непонятным каким образом ИИ будет нести ответственность по принятым обязательствам, ведь никаким имуществом он не обладает, а в случае наделения его им, субъектом права будет выступать лицо, предоставившее ему такое имущество. В данном случае прослеживается некоторая параллель с нормой, закрепляющей понятие владельца агрегатора информации о товарах (услугах), представленной в Законе РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [5]. Законодатель не случайно ввел именно такую дефиницию, ведь сама по себе программа, будь то агрегатор информации или ИИ, не может выступать участником гражданского оборота, ввиду отсутствия четко направленного интереса на приобретение и осуществление гражданских прав и обязанностей по поводу того или иного имущества.

Во-вторых, обращаясь к ранее сделанным выводам и к доктринальному понятию сделки, которое характеризует ее как волевой правомерный акт, направленный на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, становится ясным, что под категорию сделкоспособности ИИ не попадает, ведь его функционирование не мыслится с волевым поведением.

Стоит обратить отдельное внимание на отсутствие схожести между юридическим и электронным лицом. Нередко возможно увидеть тезис, обосновывающий целесообразность признания ИИ субъектом гражданского права по аналогии с юридическим лицом, ведь оно может представлять собой такую же «фикцию», не обладающую волей в привычном понимании. Однако в данном случае важно копировать не только общую форму, но и содержание, что сделать не удастся. Юридическое лицо – это логически мотивированная конструкция, обусловленная необходимостью «коллективного участия в гражданских правоотношениях, имущественном обороте, объединяя личные, трудовые действия, капиталы и т. д., для достижения определенных целей» [1]. Его воля хоть и проходит специфическую процедуру формирования, представляется вполне действительной и реализуемой в отличие от воли электронного лица.

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день наименование ИИ отражает лишь номинальную сущность данного явления, в следствии чего порождает большое количество заблуждений, в том числе и при разрешении вопросов, посвященных его частноправовому регулированию. Право не должно создавать сущее без нужды, так как в обратном случае это приведет к драматическим последствиям.

Источники и литература

- 1) Юридические лица: типы, виды, организационно-правовые формы: учеб. пособие / Т. Л. Калачева и др.; под ред. Т. Л. Калачевой. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. – 2018. – 96 с.
- 2) Лазарева О.В. Понятие и структура воли: правовой аспект / О.В. Лазарева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4. – С. 38-49.
- 3) Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении – М.: Юридическая литература, 1974. – 351 с.
- 4) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- 5) О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140; 2022. – № 50 (Ч. III). – Ст. 8772.
- 6) Официальный сайт. «Российское информационное агентство ТАСС»: TASS.RU // [Электронный ресурс] [2023]. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/12891731>.